

обходимости сохранения марийской традиционной религии¹, около 60,9% респондентов ответили положительно, а 19% отрицательно.

В результате анализа количественных данных, характеризующих отношение людей к проблеме сохранения марийской традиционной религии и языка, получились следующие пропорции (таблица 1):

Утверждения	За	Против
Необходимо укреплять традиционную религию мари	80,9%	19%
Необходимо проводить больше культурных мероприятий, пропагандирующих марийскую культуру и язык в республике	94,6%	5,4%
Нужно соблюдать марийские традиции, стараться сохранить их	94,6%	5,4%
Марийцам необходимо действовать вместе в отношении деятельности, направленной на сохранение марийского языка	95,4%	4,5%

Становится ясно, что в целом отношение марийского народа к вопросу языка, религии, а также культуры положительное. Принимая во внимание механизм позитивного воздействия религиозных мероприятий, частотность общения на родном языке, можно с уверенностью утверждать, что шансы для его сохранения неплохи. Возможно, в условиях ограниченной формальной поддержки именно данная сфера может частично компенсировать утрату марийского языка, которая, благодаря ассимиляции народа, в последнее время заметно усилилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добрынина Е. Вера и надежда // Rg.ru. Российская газета, 2013. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> (Дата обращения: 12.10.2013).

Зенкин А. Сущность и уникальность марийской культуры для человечества и будущего // MariUver. Режим доступа: <http://mariuver.wordpress.com/2012/03/20/unikaln-mari/> (Дата обращения: 23.11.2014).

Попова Н.С. Фестивальное движение по традиционной культуре в республике Марий Эл на современном этапе: цели, задачи, итоги // Традиционная народная культура Республики Марий Эл: вчера, сегодня, завтра: Сборник материалов научно-практической конференции «Проблемы сохранения и развития традиционных культур народов и этнических групп Республики Марий Эл». – Йошкар-Ола, 2007. – С. 11–25.

Шкалина Г. Священная роща – ось марийского народа // Күсото. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 28–31.

Язычество // Самопознание.ру, 2013. Режим доступа: <http://samopoznanie.ru/schools/yazychestvo/> (Дата обращения: 13.11.2013).

Maugh II H. Thomas. Researchers Say a Language Disappears Every Two Weeks // Los Angeles Times, 2007. – 9(19). Режим доступа: <http://articles.latimes.com/2007/sep/19/science/sci-language19> (Дата обращения: 16.10.2014).

¹ Полевые исследования проводились весной в 2013 г. на территории республики Марий Эл.

E. M. Vedernikova

The Effect of the Mari Traditional Religion on the Development of Language

In the article the issue of the impact of the Mari traditional religion (MTR) on the language development is discussed. Raising interest to MTR indirectly increases the number of people who speak native language. The mechanism of the impact is revealed at a socio-psychological level.

Keywords: Mari traditional religion, language preservation.

УДК 811.511.13+81-24+811.161.1

Р. В. Гайдамашко (Санкт-Петербург)

О КОМИ СУБСТРАТЕ ПОЛНОГО ТИПА ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ ЛАНДШАФТА В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ*

В статье предлагаются этимологии для лексики ландшафта в русских говорах Северного Прикамья (верховья Вишеры и Колвы) и опыт реконструкции на ее основе былых границ субстратного коми идиома.

Ключевые слова: Северное Прикамье, русские говоры, лексика ландшафта, финно-угорский субстрат, коми-пермяцкий язык, коми диалекты.

На симпозиуме по пермистике в 2012 г. мы поднимали вопросы дифференциации и идентификации типов коми-пермяцкого субстрата на материале лексики в русских говорах Верхнего Прикамья. В частности, был изложен исторический фон проблемы, а также предложено несколько лексем для обсуждения. Таковыми были русские диалектные слова, усвоенные из субстратных говоров как южного, так и северного наречий коми-пермяцкого языка и относящиеся к различным тематическим группам лексики, например: *балебан*, *балеван* ‘кустарниковое растение жимолость’, *бáчка* ‘грудная клетка, грудь птицы или человека’, *быглян* ‘небольшая деревяшка цилиндрической формы, которую использовали в качестве игрушки’, *йжман*, *ижуман*, *ужман*, *жман*, *южман* ‘род кустарников семейства жимолостных’ (подробно см.: [Гайдамашко 2012]).

В настоящей статье представлено развитие темы с особым вниманием к так называемому северо-коми-пермяцкому субстрату полного типа на материале лексики ландшафта в русских говорах Прикамья. Прежде чем перейти собственно к рассмотрению материала, напомним о том, что такое «субстрат полного типа». В своих наиболее известных монографиях

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 13 34 01018(a1).

С. А. Мызников, применив методы ареальной лингвистики в процессе интерпретации финно-угорских по происхождению лексических заимствований (всп. субстратных аппеллятивов) в русских говорах Северо-Запада [Мызников 2003, 2004, 2007], заключил, что, исходя из возможности сопоставления неискожных лексических данных с тем или иным языком-источником (или группой языков), возможно различить три типа языкового субстрата:

1) полный субстрат (или действительный), наиболее ранний по времени возникновения. Записанный в различных частях региона, он может соотноситься с тем или иным языковым типом, но никогда не возводится к определенным лексическим данным;

2) неполный субстрат, более поздний, чем полный субстрат. Такой вид субстрата напрямую сопоставляется с материалом живых языков/диалектов, хоть его ареал и находится вне зоны живых межъязыковых взаимодействий (но представляет таковую в прошлом). Он отражает бывшее языковое взаимодействие и последующую этническую и языковую ассимиляцию;

3) адстрат. Записанный в контактных зонах, он является результатом недавней ассимиляции; он обладает большой интенсивностью и узкой локализацией (подробно см.: [Мызников 2004: 27–28]).

При всем этом требуется существенное уточнение, что для каждого микроареала характерна своя особенная этноязыковая ситуация, сложившаяся в специфических исторических, этнических и языковых условиях.

Северо-коми-пермяцкий субстратный тип распространен преимущественно на территории исторической Перми Великой (в низовьях камской Вишеры и прилегающих прикамских территориях), т. е. на территории начального освоения русскими Западного Урала. Данный субстратный тип может быть полным/неполным: если заимствование может быть сопоставлено с живыми диалектами и говорами северного наречия коми-пермяцкого языка и оно распространено в северо-коми-пермяцком ареале (Гайнский, Кочевский, Косинский р-ны Пермского края), то является субстратом неполного типа. Однако если коми-пермяцкое заимствование распространено исключительно в Чердынском, Красновишерском и/или на севере Соликамского р-на и иногда не может быть точно сопоставлено с материалом живых коми-пермяцких диалектов (но при этом оно часто сравнимо, например, с лексикой верхневыхгодского диалекта коми-зырянского языка), то оно является субстратом полного типа. Очевидно, до русской колонизации территорию современных Чердынского, Красновишерского, отчасти Соликамского р-нов населяли коми, чей диалект занимал промежуточное положение между северными коми-пермяцкими диалектами (косинско-камским, мысовским, верх-лупьинским), коми-язьвинским наречием и коми-зырянскими диалектами (верхневыхгодским и печорским). Этот исчезнувший северный диалект коми-пермяцкого языка наречен Р. М. Баталовой пермским [Баталова 1975: 7].

Приведем пример безусловного влияния северо-коми-пермяцких субстратных идиомов на лексический состав тематической группы «Ландшафт» в русских говорах Прикамья – слово *урдым*.

Исходя из иллюстрации «*Когда лес работали, делали урдым – сначала на лыжах, потом прочищали от леса. Лес возили по урдыму*», записанной в н. п. Ныроб Чердынского р-на, семантика лексемы *урдым* определена как ‘неширокая лесная дорога для вывозки леса’ (СГТП: 385–386). Отрывок диалектной речи из н. п. Рожнево Чердынского р-на демонстрирует употребление аналогичной лексемы и образованной от нее формы множественного числа родительного падежа с перетяжкой ударения на окончание: «Урдым, я по *урдыма* сѣдня шла. Урдыма́ много там» (КСРГСП).

Деминутивная форма *урдымок* отмечена в русских говорах Чердынского р-на: «*Урдымок прочистят, по ней возят чернозѣм, песок*» в н. п. Рожнево; «*Урдымок прочистят, по ней возят. Маленькая дорожка, сани штобы прошли зимой*» в н. п. Адамово (КСРГСП). Приведенные иллюстрации позволяют уточнить семантику диалектизма, данную в СГТП: *урдым* – это неширокая лесная дорога не только для вывозки леса, но и для других целей (для вывозки чернозема, песка и т. п.; для перемещения).

Из сходных прикамских топонимов на данный момент известно только название поля *Урдам* у бывшего н. п. Нылоб Соликамского р-на [Чагин 2004: 86].

В смежном регионе см. н. п. *Ордым* (Троицко-Печор. Коми) (НПК: 353), шире – р. *Урдома*, приток р. Волга (Тутаев. Яросл.) (ТК: О-37-79, О-37-80).

Анализируемое заимствование, судя по всему, коми происхождения (исключением, скорее всего, является последний топоним, см. выше), ср. коми-зыр. вым., ижем., нижн.-вычег. печор., присыкт., ср.-сысол., удор. *ордым*, верх.-вычег. *ордѣм* ‘тропинка, лесная дорога; просека’ (SWb: 709; ССКЗД: 260; КРК: 455).

Более того, так как подобные лексемы не зафиксированы в русских говорах смежных территорий (республики Коми, Кировской области), мы полагаем, что в основе прикамского диалектизма – северо-коми-пермяцкий субстрат. Вполне возможно, что коми лексемы *ордым/ордѣм* имели ареальное продолжение в северном наречии коми-пермяцкого языка, при этом коми-пермяцкое слово, запечатленное в субстратном наследии русских говоров Чердынского р-на, видимо, отражает иной, нежели в современных коми-зырянских лексемах, вокализм анлаута.

В поисках приемлемой этимологии коми слова, авторы КЭСК выдвигают гипотезу, что первоначально так могли называть жерди, оставляемые в пути охотником (КЭСК: 207), к тому же представляется возможным древнее родство коми-зыр. *ордым* с приб.-фин., ср. фин., кар. *ura* ‘колея; тропа, дорога’, вепс. *uri* ‘нора; борозда’ и др., для которых предлагается реконструкция *ura ‘дорога, путь, тропа’ (UEW: 804–805). Ср. также фонетически сходное вепс. *urdam* ‘промоина’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 98].

Разумеется, не всегда предлагаемый ход истории слова так очевиден. Например, подробно анализируемые в одной из статей русские диалектные лексемы *егер*, *егерь* 'плохой чахлый сосняк на сыром месте' сопоставляются как с диалектными коми-зырянскими, так и с северо-коми-пермяцкими данными [Гайдамашко 2013: 57]. Географические пометы при русском диалектизме (Перм. губ.; Сол. уезд) не противоречат ни северной, ни южной коми-пермяцкой природе, потому что, согласно Р. М. Баталовой, на территории будущего Соликамского уезда проживали носители как припермского диалекта северного наречия, так и усольского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка. Тем не менее, географические пометы при современном коми-пермяцком эквиваленте (северное, гайнское) демонстрируют отсутствие лексемы в источниках по южно-коми-пермяцким диалектам, что отдаёт предпочтение в пользу северо-коми-пермяцкой версии о происхождении рус. *егер*, *егерь*.

Ряд многочисленных примеров подобного рода продолжает и лексема *оль*, введенная в научный оборот С. А. Куклиным. В его труде она наделена дефиницией 'еловый низкорослый дровяной лес, на плохо дренированной почве' и пространной пометой «Сев. Предуралье» [Куклин 1938: 228]. По материалам экспедиций А. К. Матвеева во второй половине 1950-х гг. слово *оль* 'редкий невысокий лес, чаще чернолесье (ель, пихта), реже березник на низких сырых местах' бытовало на крайне узкой территории – в н. п. Дий Чердынского р-на, Акчим, Усть-Улс и Писаная Красновишерского р-на [Матвеев 1959: 32; Матвеев 1964: 300].

Более поздними диалектологическими экспедициями Пермского университета отмечена лексема *оль* и только в н. п. Дий Чердынского р-на, но совместно с вариантом (или формой множественного числа): «Оль, оля, один березник, травы не растут» (КСРГСПК).

В гнезде деревень в верховье р. Вишера (н. п. Акчим, Усть-Улс, Писаная Красновишерского р-на) были также зафиксированы дериваты *олёк*, *олина*, *олеватый*, *олистый* (все даны без ударения) [Матвеев 1959: 32].

Последний дериват запечатлен в названии р. *Олистая* в бассейне р. Колва [там же].

По наблюдению А. С. Кривошековой-Гантман, коми-перм. слово *оль* 'сырое низкое место в лесу, поросшее кустарником и высокой травой; смешанный березово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах' представлено во многих топонимах: *Оль*, *Кёчыб оль*¹, *Ыджыт оль*², *Паськыт оль*³, *Миша оль*, *Захар оль* и др. [Кривошекова-Гантман 1974: 38].

В топонимии смежного региона, республики Коми, см.: р. *Оль*, левый приток р. Лэпью (Прилуз.) (ТК: Р-39-135,136), д. *Олек* (Усть-Кулом.), д. *Оль-*

¹ При коми-перм. *коч* 'заяц || заячий', 'зайчик, хвостик (часть несжатого поля или нескошенного луга)' (КПРС: 195) и *ыб* 'поле || полевой' (КПРС: 577).

² При коми-перм. *ыджыт* 'большой' (КПРС: 577).

³ При коми-перм. *паскыт* 'широкий' (КПРС: 326).

*видзь*¹ (Княжпогост.), д. *Ольвыв* (Сыктывд.), н. п. *Ольвыл*² (Усть-Кулом.) (НПРК: 350–351), р. *Ольховей*³, бол. *Ольгевейнор* (СГТК: 41).

А. К. Матвеев предлагает сравнивать прикамские диалектные слова с коми лексикой [Матвеев 1959: 32], ср. коми-перм. *оль* 'согра (березово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах)', 'сырое, болотистое место' (КПРС: 292), коми-зыр. верх.-вычег., вым., нижн.-вычег., печор., ср.-сысол., удор. (Примезенье) *оль*, нижн.-вычег. *ольвыв*, печор. (н. п. Покча) *ольтас* 'согра, сырое травянистое место с мелким лесом' (ССКЗД: 259).

Для коми слов пока не предложено исконной этимологии, однако апеллирует *оль* и его дериваты относительно широко распространены в коми языковом массиве (включая топонимию), а на русской почве имеют весьма ограниченный ареал, что может являться доказательством исконности коми данных и однозначного направления заимствования: коми-зыр. (диал.) или (что вероятнее) коми-перм. (сев.) > рус. (прикам.).

Э. М. Мурзаев упоминает также *уль* 'чернолесье (ельник, кедровник), примыкающее к болоту; низменный лесной мыс среди болота; сырое место с кочками и лужами' в бассейнах Вишеры, Пельма и на Северном Урале (СНГТ: 576). Последняя лексема неоднократно зарегистрирована экспедициями Уральского университета в Гаринском р-не Свердловской области: *уль* 'сырое, болотистое место в лесу' (СРГСУД: 540).

Рус. *уль*, судя по всему, заимствовано из западных диалектов манси, ср. пельм. *βūl* 'болотистое место, поросшее сосняком', нижн.-лозвь. *ūl* 'местность, заросшая кустарником, невысокий лес | согра' (WW: 149). При этом манс. < коми *оль* [Rédei 1970: 92]; (WW: 149).

Русские диалектные лексемы *оль* и *уль* в совокупности представляют ценную находку при реконструкции финно-угорского лексического субстрата на материале русских говоров Прикамья, так как Верхнее Привышерьье (и отчасти бассейн Колвы, см. выше помету Дий Черд.) в диахронии

¹ При коми-зыр., коми-перм. *видзь* 'луг, сенокос, покос, пожня' (ССКЗД: 48; КПРС: 70).

² При коми-зыр. луз. (н. п. Объячево), нижн.-вычег., присыкт., удор., коми-перм. южн. *выв*, верх.-вычег. (н. п. Керчомья), верх.-сысол., луз.-лет., печор., ср.-сысол., коми-перм. сев. *выл* 'верх, поверхность чего-либо' (ССКЗД: 71; КПРС: 90).

³ Как утверждает в СГТК, при коми-зыр. *хо* 'берёза' (СГТК: 56), которое заимствовано из ненецкого, ср. ненец. тундр. *хо*, *хō* 'берёза' (SWs: 73), и коми географического термина *вей* при коми-зыр. *вōй* 'дикий' (СГТК: 11). Последнее сравнение, на наш взгляд, некорректно как минимум по двум причинам: во-первых, в коми топонимии определение не может быть формантом, а, во-вторых, во всех доступных нам коми словарях *вōй* даётся в общем значении 'дикий (о животных и т. п.)', а не 'дикий (о местности)', ср. 'пугливый', 'боязливый', 'застенчивый', 'дикий', 'неприрученный' и т. п. (КРС: 46; ССКЗД: 64; КПРС: 82; КПК: 115 и др.).

оказывается точкой пересечения изоглосс различных приуральских финно-угорских диалектов – коми-зырянских (верх.-выгег., печор.), коми-пермяцких (сев.), мансийских (зап.).

Таким образом, становится ясно, что столь четкая дифференциация субстратных коми-пермяцких идиомов на северные и южные (как то предложено Р. М. Баталовой для территории современного Соликамского р-на) не совсем корректна, особенно если речь идет о таких регионах, в пределах которых до русской колонизации происходили тесные контакты носителей различных финно-угорских идиомов. Пользуясь терминологическим инструментарием лингвистической географии, уместно называть такие регионы «зонами вибрации», а идиомы, там распространенные, – «переходными», напр., не «усольский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка», а «переходный диалект между северными коми-пермяцкими и южными коми-пермяцкими», не «припермский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка», а «переходный диалект между коми-зырянскими, северными коми-пермяцкими и западными мансийскими» и т. д.

ИСТОЧНИКИ

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь: ок. 27000 слов / Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.

КРК – Коми-роч кывчукор = Коми-русский словарь / Сост. Е. А. Айбабина, Л. М. Безносикова, Р. И. Коснырева; под ред. Л. М. Безносиковой; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 816 с.

КРС – Коми-русский словарь / Акад. наук СССР, Науч.-исслед. база в Коми АССР; редкол.: А. И. Подорова (отв. ред.) и др. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1948. – 296 с. – (Серия лингвистическая; вып. 1).

КСРГСП – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края, хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР, Институт языкознания; под ред. В. И. Лыткина. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

НПРК – *Жеребцов И. Л.* Населенные пункты республики Коми: историко-демографический справочник / РАН, Урал. отд-ние; Ин-т языка, литературы и истории Коми науч. центра. – М.: Наука, 2001. – 580 с.

СГТК – Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в коми топонимии / Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР; Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэро съемки и картографии, Отдел географических названий; сост. А. В. Беляева; ред. С. К. Бушмакин. – М., 1968. – 110 с.

СГТП – *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Федер. агентство по образованию, Перм. гос. ун-т. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. – 419 с.

СНГТ – *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов: словарь / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

СРГСУД – Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Ин-т русской культуры; сост. Ю. В. Алабугина [и др.]; под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 489 с.

ТК – Топографические карты СССР: [Карты] / Сост. и подгот. к печати Генеральный штаб. – 1: 100000, 1 км в 1 см. – М.: Военно-топографическое управление Генерального штаба, 1986–1988.

SWb – *Fokos-Fuchs D. R.* Syrjänisches Wörterbuch. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. – Bd. I–II.

SWs – *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische etymologien. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. – 186 s. – (Castrenianumin toimitteita. 17).

UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. – Bd. I–III.

WW – *Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt und geordnet von A. Kannisto.* Bearbeitet von V. Eiras. Herausgegeben von A. Moisio. – Helsinki, 2013. – XI + 961 s. – (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV. Kotimaisten kielten keskuksen julkaisu 173).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Гайдамашко Р. В. Коми-пермяцкая лексика в русских говорах Верхнего Прикамья: вопросы дифференциации и идентификации типов субстрата // Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. / редкол.: В. К. Кельмаков, А. Е. Коньшин, А. С. Лобанова, Н. А. Мальцева, Е. А. Цыпанов. – Кудымкар: ОТ и ДО, 2012. – С. 58–62.

Гайдамашко Р. В. К этимологии русских диалектных слов Прикамья: *егер, пурга, сёрд, туман* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 57–62.

Кривошекова-Гантман А. С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1974. – Вып. 1. – С. 19–43.

Куклин С. А. Звери и птицы Урала и охота на них. – 2-е изд., испр. – Свердловск: ОГИЗ, 1938. – 244 с.

Мамонтова Н. Н. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. – 160 с.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959. – 123 с. – (Уч. зап. Урал. ун-та. Языкознание. Вып. 32).

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1964. – Т. 14, fasc. 3-4. – С. 285–315.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб.: Наука, 2003. – 540 с.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 2007. – 394, [1] с.

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 100 с.

Rédei K. Die sytjänischen Lehnwörter im Wogulischen. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. – 195 s.

R.V. Gaydamashko

On Komi Substratum of the Full Type According to the Lexicon of the Landscape in Russian Dialects of the Northern Kama Area

The article gives etymologies for lexicon of the landscape in Russian dialects of the Northern Kama (the upper reaches of the Vishera and Kolva). The experience of reconstruction of previous substratum borders of the Komi idiom is suggested.

Keywords: the Northern Perm area, Russian dialects, lexicon of the landscape, Finno-Ugric substrate, the Komi-Permyak language, Komi dialects.

УДК 81.373

Л. Х. Давлетшина (*Казань*)

ЛЕКСЕМА ЖЕН В ГОВОРЕ ТАТАР НАГОРНОЙ СТОРОНЫ

В данной работе проанализирована мифологическая лексика татар нагорной стороны, связанная с наиболее активным персонажем нечистой силы *жен*, который может свободно замещать некоторые персонажи, принимая на себя его специфические функции. Автором представлены материалы к словарю мифологической лексики. В основу словаря положен лексический принцип с элементами идеографического: выделены пучки релевантных для персонажа признаков и функций.

Ключевые слова: этнолингвистика, словарь, персонаж, обряд, лексика.

Татарское население нагорной стороны (*Тау ягы*), на субэтническом уровне вошедшее в состав смешанной подобласти, на уровне этнографической группы оказалось в общем этнокультурном пространстве с татарами Предкамья. Тем не менее, следует подчеркнуть несколько обособленное положение рассматриваемого населения в культурном плане в рамках центрального района. По комплексу признаков Предкамско-Предволжский ареал образует единый этнокультурный район. Татарское население, имеющее культурные особенности, присущие этому району, может считаться отдельной этнографической группой. За ней целесообразно сохранить название центральной группы [Этнотерриториальные... 2002: 248].

Языковая и этнокультурная неоднородность центральной этнографической группы говорит о сложности ее этнических компонентов и древности ее формирования. Эта группа восходит, по меньшей мере, к периоду Казанского ханства. Некоторые из входящих в нее этнографических подгрупп отражают деление этого государства на «даруги», бывшие отдельными княжествами. Южная подгруппа входила в состав Ногайской даруги, восточная – Зюрейской. Приказанская подгруппа по одним элементам культуры «тянет» к западной подгруппе, по другим – к южной. Возможно, что та ее часть, которая локализуется западнее Казани, совместно с западной (нагорной) подгруппой относились к Галицкой даруге. Этнографы высказывают предположение о том, что такое «раздвоение» приказанской подгруппы связано с проникновением в ареал ее локализации этнических групп кыпчакско-ногайского происхождения, сосредоточенных на территории Ногайской даруги Казанского ханства [Этнотерриториальные... 2002: 248]. Таким образом, рассматриваемый нами ареал представляет собой обособленную подобщность и по этнографическим и по языковым данным.

Важным источником для изучения истории, духовной и материальной культуры народа является лексический состав языка. Комплексное изучение этнокультурной лексики может существенно продвинуть нас в познании различных сторон общественной и социальной жизни человека. Она открывает перед исследователем широкую картину прошлого и настоящего, тем более, если речь идет о мифологической лексике языка. Данная тематическая группа является очень обширной. Под термином «мифологическая лексика» мы подразумеваем названия мифологических персонажей, предикаты, описывающие основные действия и состояния мифологических персонажей и людей, подпавших под их влияние, а также названия процессов и состояний, связанных с мифологическими представлениями.

Нам кажется чрезвычайно актуальным вопрос о разработке диалектологии мифологии, поставленный в рамках Московской этнолингвистической школы. «Разнообразие славянской (в нашем случае татарской) народной изустной традиции в сфере обрядов, поверий и обычаев, т. е. диалектность духовной культуры, делает ее незаменимым и почти единственным источником для истории мифологических воззрений и форм, для диахронических мифологических штудий, для определения динамики развития отдельных мифологических систем, для их этнического, территориального и хронологического приурочения в прошлом» [Толстой 1995: 28]. В рамках данных исследований создаются этнодиалектные, этнолингвистические словари, которые можно назвать памятниками духовной и материальной культуры. В них отражается огромный объем этнокультурной информации, говорящей о разных сторонах жизни диалектоносителей. К сожалению, говорить о создании подобного рода словарей в татарской фольклористике пока рано. Некоторые попытки предпри-